

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Г.В. Елизарова

*Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого», Республика Беларусь*

Становление посттоталитарного общества как общества, устремленного на создание условий для полнейшей самореализации человека как свободной личности, в своей основе должно быть ориентировано на постепенное изменение социокультурного кода населения, учитывая, с одной стороны, что именно этот код во многом и породил тоталитарную систему, сделал ее реальностью, а с другой – сама эта система усилила те его стороны, которые более всего отвечали сущности системы, превратив тем самым граждан в своих сообщников и иждивенцев.

Сформировавшийся в итоге культурный код восточного славянства с его ярко выраженным социоцентризмом – реальность не меньшая, чем уровень экономического развития. Изменить его целиком, как свидетельствует опыт истории, невозможно, можно лишь элиминировать некоторые черты этой социокультурной парадигмы, перекомбинировать их. Процесс этот длительный и мучительный, но вполне возможный и необходимый. Иначе, если исторические традиции, нравы, мотивы человеческой деятельности по-прежнему будут рассматриваться как малозначимые, все теоретически верные реформаторские построения неизбежно будут приводить к непредвиденным и маложелательным результатам.

В связи с этим автор предлагает анализ некоторых конститутивных черт социокультурного кода восточного славянства, учитывая при этом их амбивалентность, двойственность характера влияния на реформирование посттоталитарного общества.

1. Апология коллективизма, в основе которой – и идея коллективного движения к светлому будущему под руководством государства как основного гаранта жизни, имущества и духовного здоровья человека, и солидаризм как состояние внутреннего психологического подчинения индивида социуму.

При этом солидаризм восточных славян – это не западная «массовость». Масса на Западе – это «средний заурядный человек», «тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара» (Ортега-и-Гассет). Константа славянского солидаризма – ориентация на высокие нравственные критерии, служение индивида требованиям общества как свободного сообщества душ в духе любви и общего согласия. Реформаторы, устремленные на реализацию этих высших духовных идеалов, неизменно на Востоке Европы будут пользоваться огромной поддержкой населения.

2. Фаталистический взгляд на мир как проявление всеохватывающего неверия в возможность индивида противостоять вызовам природы и общества, сочетающийся с признанием права государства на насильственное перекраивание общества. Это дает возможность реформаторам, овладевшим государственным аппаратом, относительно долго экспериментировать при лояльном отношении основной массы населения, а при их ориентации на вышеуказанные ценности – и добиться стратегических успехов.

3. Чувство «коллективного духовного превосходства», сложившееся в условиях тотальной изоляции от мира. При соприкосновении с иной реальностью оно ослабевает, что приводит к утере внутренней органичности, цельности сознания, слому моральных нормативных ориентиров, формированию комплекса своей «вторичности», нередко – к желанию возвратиться в былое «неведение», что вряд ли способно содействовать органичной либерализации общества.

Само это чувство несет в себе дух и мессионизма, и миссионизма. Отличая мессионизм от миссионизма, Е.Н. Трубецкой писал: «Народов с каким-либо призванием или миссией... может быть много. Между тем народ – Мессия может быть только один.

Как только мы допускаем, народов-богоносцев, призванных спасти мир, существует не один, а хотя бы несколько, мы тем самым разрушаем мессионическое сознание и становимся на почву миссионизма». В восточном славянстве миссионизм исторически присущ, прежде всего русским. Сделав упор именно на миссионизм, освободившись от национального миссионизма и богоизбранности, обновленный русский дух может внести свой вклад наряду с другими живыми силами всех культурных миров в становление будущей антропогенной цивилизации.

Белорусский народ в силу специфики своего исторического пути чувством национального миссионизма не заболел, но и не выработал своего миссионизма, представления о своей (не как единственной, а как одной из...) миссии. Подобный белорусский миссионизм позволил бы, во-первых, преодолеть культурные, социальные и региональные барьеры, утвердить свое духовное единство в историческом времени и пространстве, во-вторых, занять свое место в мировом многозвучье.

4. Бескомпромиссность как доминанта русского социо-культурного кода, противостояние в русской традиции обычно велось либо до полного уничтожения одной из противоположных сторон, либо до максимального ослабления одной из них.

Отличительной чертой белорусов, напротив, обычно считают толерантность. Но толерантность – явление неоднозначное. Во-первых, в ее основе может лежать безразличие к иному типу ценностей, ориентация на свою изоляцию от внешних влияний. Во-вторых, она может строиться на основе признания личностью или социумом права другого, более сильного, навязывать собственные ценности и образ жизни более слабым. В таком случае толерантность фактически тождественна философии национального нигилизма, биологическому инстинкту выживания, комплексу национальной неполноценности. Такой тип толерантности характерен (в разной степени) прежде всего народам, изведавшим длительное иностранное господство, которое нанесло урон их историческому сознанию, государственно-национальным формам мышления, нарушила поступательную преемственность культурного развития.

Положительный энергетический потенциал для посттоталитарного реформирования несет в себе иной тип толерантности, основанный на органичном сочетании чувства национальной гордости, своеобразия, отличия и самоуважения с заинтересованными и уважительными отношениями к иным культурным типам, со структурной интеграцией лучшего с другими типами и превращения его в органическую часть своей культуры.